

Екатерина Мордвинцева

**Тайна котла номер триста
двенадцать**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-312.9
ББК 84-445
М79

М79 **Мордвинцева Е.**
Тайна котла номер триста двенадцать / Екатерина Мордвинцева – М.: Lennex Corp, — Подготовка макета: ООО «Книга по Требованию», 2026. – 240 с.

ISBN 978-5-524-00452-9

В королевской гвардии завелась девка с косой. Капитан-эльф не в восторге. Демон в котле не в восторге вдвойне. А им всем предстоит вместе путешествовать, сражаться, падать в болото и спасать королевство. В общем, рецепт тот ещё: взять эльфа, добавить девушку, приправить маленьким злым демоном, варить на медленном огне. Получится ли из этого супа любовь? Главное — не пересолить.

ISBN 978-5-524-00452-9

© Lennex Corp, 2026
© Е. Мордвинцева, 2026

Екатерина Мордвинцева

**Тайна котла номер
триста двенадцать**

УДК 82-312.9
ББК 84-445
М79

Мордвинцева Е.

М79 Тайна котла номер триста двенадцать / Екатерина Мордвинцева. – М.: Литнет, 2026. – 240 с.

ISBN 978-5-524-00452-9

В королевской гвардии завелась девка с косой. Капитан-эльф не в восторге. Демон в котле не в восторге вдвойне. А им всем предстоит вместе путешествовать, сражаться, падать в болото и спасать королевство. В общем, рецепт тот ещё: взять эльфа, добавить девушку, приправить маленьким злым демоном, варить на медленном огне. Получится ли из этого супа любовь? Главное – не пересолить.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-524-00452-9

© Литнет, 2026

© Мордвинцева Е., 2026

Пролог

Я, кажется, сломала ему нос.

Это было нечаянно. Ну, почти нечаянно. Если честно, я вообще не планировала сегодня ни с кем драться. Утро начиналось так мирно: я вышла на задний двор, чтобы проветрить косу после вчерашней тренировки, и думала только о том, как бы незаметно прошмыгнуть мимо отцовского кабинета, где он с утра подсчитывал наши долги. Долгов было много, а надежды – мало, и я знала, что рано или поздно этот разговор меня настигнет, но хотела оттянуть его хотя бы до обеда.

Но судьба, как всегда, распорядилась иначе.

Они сидели на завалинке у наших ворот, в тех самых воротах, которые следовало бы починить ещё три года назад, но денег вечно не хватало даже на гвозди. Трое. Типичные разбойники южных трактов: грязные, зубастые, с рожами, которые хочется прикрыть мешком, чтобы не пугать лошадей. У одного – шрам через всю щеку, у второго – серьга в ухе, хоть какая серьга может быть у мужика, который выглядит так, будто его уже дважды хоронили, но он оба раза не согласился. Третий сидел чуть поодаль и задумчиво ковырял в зубах соломинкой, делая вид, что он здесь просто из вежливости.

– Барышня, – сказал шрамоголовый, и его голос звучал так, словно он жевал гравий. – А батька твой дома?

Я остановилась. Коса лежала на плече, тяжелая, привычная, и я машинально провела пальцами по её лезвию – не то чтобы я собиралась её использовать, просто такая привычка. Когда оружие становится частью тебя, ты гладишь его так же естественно, как кошка трётся об ногу хозяина.

– А вам зачем? – спросила я вежливо. Отец всегда учил меня быть вежливой с незнакомцами. «Тиана, – говорил он, – вежливость – это броня, которую не пробьёт ни один меч». Интересно, он имел в виду таких вот типов с кислыми рожами?

– Должок есть у батьки твоего, – второй, серьга, сплюнул сквозь зубы. – Просроченный должок. Мы пришли напомнить.

– Ах, напомнить, – я кивнула, делая вид, что принимаю это к сведению. – Ну что ж, напомнили. Передам.

Повисла пауза. Соломинка во рту третьего медленно переместилась из левого угла в правый.

– Ты, барышня, не поняла, – шрамоголовый поднялся с завалянки, и тогда я поняла, насколько он большой. Не просто здоровый – огромный. Как дуб, который вырос на удобрениях из чужих костей. – Мы не просто так напомнить пришли. Мы пришли забрать.

– Забрать? – я изобразила удивление. – Мебель? Посуду? Отцовский буланый плащ, который он уже десять лет собирается выбросить, но всё никак руки не дойдут?

Серьга хмыкнул, и этот звук напоминал хрюканье довольного кабана.

– Ты, барышня. Тебя забрать.

Вот тут я действительно удивилась.

– Меня? – я даже косу переложила на другое плечо, чтобы удобнее было слушать. – И куда же вы меня собираетесь забирать?

– Куда надо, – шрамоголовый сделал шаг ко мне. – Твой батька должен графу Эствудскому три тысячи золотых. Граф сказал: либо деньги, либо ты идёшь в оплату. Денег нет – значит, пойдёшь.

Я моргнула.

Три тысячи золотых. Это много. Это очень много. Это столько, сколько наше баронство не зарабатывало за десять лет, даже если продать всё, включая дырявую крышу и мою косу. Но чтобы граф Эствудский, этот старый паук с манерами придворного и душой ростовщика, потребовал меня в уплату долга? Вот это новость.

– И что же граф собирается со мной делать? – спросила я из чистого любопытства. – В жёны возьмёт? Так ему, по слухам, уже за семьдесят, и он три раза вдовец. Говорят, жёны его умирали при загадочных обстоятельствах.

– Не твоё дело, – отрезал шрамоголовый. – Сказано – забрать, значит – забрать. Идёшь сама или нам тебя нести?

Он протянул руку. Грязную, мозолистую, с ногтями, которые давно не видели ни ножниц, ни мыла. Я посмотрела на эту руку, потом на его лицо, потом на косу у себя на плече.

Знаете, есть моменты в жизни, когда ты отчётливо понимаешь: сейчас случится что-то, что изменит всё. Не обязательно что-то великое или героическое. Просто – перелом. Миг, после которого уже нельзя будет сделать вид, что ничего не произошло.

Я могла бы закричать. Позвать отца. Позвать кухарку Грету, которая, несмотря на свои шестьдесят и больные колени, однажды забила до полусмерти забредшего на кухню медведя скалкой. Я могла бы просто захлопнуть калитку и спрятаться в доме, благо засов там держался крепко.

Но я – Тиана, дочь барона Эдгара из южных земель, и у меня есть своё представление о том, как следует встречать гостей, которые пришли забрать тебя в уплату долга.

– Знаете, – сказала я, и моя рука легла на рукоять косы, – я, пожалуй, откажусь.

Шрамоголовый замер. Его глаза, маленькие и глубоко посаженные, как у хорька, сузились.

– Что?

– Отказываюсь, – повторила я, разделяя слова. – Идти с вами я не собираюсь. Графу Эствудскому передайте, что если ему так нужна компания, пусть ищет её в другом месте. А наш долг мы выплатим. Когда сможем.

– Когда сможете? – серьга расхохотался, и смех его был похож на лай больной собаки. – Да ты, барышня, видно, не в курсе: ваше баронство уже месяц как у графа в залоге. Земля, дом, всё, что есть. И ты в том числе. Ты уже не баронова дочка, ты – собственность его сиятельства.

Я почувствовала, как внутри что-то оборвалось. Не от страха – от злости. Холодной, чистой, как лезвие моей косы. Отец не сказал

мне. Он не сказал, что заложил всё, даже меня. Он вообще никогда не говорил, насколько всё плохо, только вздыхал за ужином и гладил меня по голове, повторяя: «Ничего, дочка, прорвёмся». Прорвались. До ручки.

– Послушайте, – сказала я, и голос мой, кажется, стал тише, но в этой тишине было что-то такое, от чего соломинка во рту третьего выпала. – Я сейчас спокойно войду в дом, соберу вещи и уеду в столицу. А вы передадите графу, что его собственность сбежала. Договорились?

– Не договорились, – шрамоголовый снова шагнул ко мне, и на этот раз его рука потянулась к моему плечу. – Ты никуда не уедешь. Приказ графа – доставить тебя в целости. Живую, но не обязательно счастливую. Его пальцы сомкнулись на моём предплечье.

И тут же разжались, потому что коса в моей руке описала дугу, и её обух – не лезвие, я же не хотела никого убивать с утра пораньше – впечатался в его локоть с таким звуком, будто перебили сухую ветку.

Он заорал. Отшатнулся, прижимая руку к груди, и в его глазах мелькнуло непонимание – как у быка, которого вдруг ударили колоколом по голове.

– Что ты... – начал он, но я уже не слушала.

Коса загудела в моих руках. Она всегда гудела, когда я злилась, и сейчас этот звук наполнял двор, как натянутая струна. Я не собиралась никого убивать. Но я очень, очень хотела сделать так, чтобы эти трое запомнили этот день надолго.

– Слышь, – сказал серьга, глядя на своего подельника с внезапно посеревшим лицом. – А девка-то с характером.

– Да по фигу, – шрамоголовый, несмотря на вывихнутую руку, полез в ножны за тесаком. – Хватаем её и тащим. Трое на одну – справимся.

Они не справились.

Я не помню этого боя в деталях. Когда начинается драка, время для меня всегда замедляется, но сознание отключается – остаётся

только тело, которое знает, что делать. Коса – продолжение моих рук, моей спины, моей злости. Я училась с ней с двенадцати лет, когда отец нанял старого сержанта, который пил как сапожник, матерился как сапожник и дрался как десять сапожников сразу. Он говорил: «Коса – бабское оружие, но в умелых руках бабское оружие кладёт мужиков быстрее, чем они успевают сообразить, что происходит».

Он был прав.

Первый – шрамоголовый – пошёл на меня с тесаком, размахивая им, как ветряная мельница крыльями. Громко, страшно, но предсказуемо. Я ушла вниз, пропуская лезвие над головой, и древком косы подсекла его ноги. Он рухнул как бревно, и я добавила ему пяткой по затылку, чтобы не вставал. Не насмерть, просто чтобы отключился. Надолго.

Второй – серьга – был умнее. Он вытащил нож, длинный такой, с зазубринами, и начал кружить, пытаясь зайти со спины. Но коса длиннее ножа, и я не дала ему приблизиться. Мы кружили по двору, и я видела, как в окне кухни мелькнуло лицо Греты, которая замерла с половником в руке, разинув рот.

– Бросай оружие, девка, – прошипел серьга, и в его голосе уже не было прежней уверенности. – Не калечься.

– Это ты мне? – уточнила я, и в этот момент сделала выпад, которого он не ждал.

Коса не бьёт прямо. Коса – это дуга, круг, смертельный вальс. Я крутанулась, и лезвие прошло в сантиметре от его живота – не задело, только распорол рубаху и выпустило наружу облако пыли и пота. Он отшатнулся, споткнулся о подвернувшегося под ноги шрамоголового и рухнул на него сверху.

Третий – тот, что с соломинкой – стоял всё там же, у завалинки, и смотрел на меня с выражением, которое я бы назвала уважением, если бы не его дружки, валяющиеся в пыли.

– Ну? – спросила я, переводя дыхание. Коса тяжело опустилась на плечо.

– Ты тоже хочешь попробовать?

Он медленно поднял руки. Пустые, безоружные.

– Я, барышня, пожалуй, пас, – сказал он, и в голосе его прозвучало что-то похожее на усмешку. – Мы ж не знали, что ты... того. С косищей этой.

– Теперь знаете, – я кивнула в сторону ворот. – Убирайтесь. И графу передайте: если ему так неймётся, пусть приходит сам. Я ему тоже кое-что передам. Лично.

Третий помог своим подняться. Шрамоголовый, очухавшись, плевался кровью из разбитого рта и обещал мне что-то страшное, но уходить не торопился, пока я не сделала шаг в его сторону с косой наперевес. Тогда они ушли. Быстро. Даже серыга забыл свой нож на земле – так торопился.

Я осталась во дворе одна, тяжело дыша, и только тогда заметила, что мои руки трясутся. Не от страха. От злости. И от обиды. Отец не сказал мне. Он промолчал, когда я каждое утро спрашивала, как дела. Он улыбался за завтраком и делал вид, что всё хорошо, а сам уже месяц как заложил всё, что у нас было. В том числе меня.

– Тиана...

Я обернулась. Отец стоял на крыльце, бледный, сжимая в руках старый меч, который, кажется, не вынимал из ножен с тех пор, как вернулся с последней войны. Он, наверное, услышал шум и выбежал, но опоздал. Как всегда, впрочем, опоздал.

– Ты всё слышал? – спросила я, и голос мой прозвучал жёстче, чем мне хотелось.

Отец кивнул. Он смотрел на меня – на свою дочь с косой на плече, в мужских сапогах и штанах, с распущенными после драки волосами – и в его глазах было что-то, чего я не могла разобрать. Стыд? Страх? Или то самое отчаяние, о котором говорил шрамоголовый?

– Тиана, я хотел сказать...

– Что ты хотел сказать? – я шагнула к нему, и отец невольно попятился. – Что ты заложил меня графу, как мешок овса? Что я те-

перь его собственность? Или ты хотел сказать, что всё будет хорошо, как всегда?

– Я хотел сказать, что не знал, – отец вдруг выпрямился, и в его голосе прорезались нотки, которых я не слышала давно. – Не знал, что в договоре есть это условие. Граф сказал – подпиши, и мы подождём с выплатой. Я подписал. А вчера пришло письмо... – Он замолчал, провёл рукой по лицу, и я увидела, как он постарел. Не за один день – за все эти годы, когда долги давили, а он улыбался и говорил, что прорвёмся. – Вчера я узнал, что по договору ты переходишь графу, если мы не выплатим всё к осени.

– И ты молчал.

– Я искал выход. – Он поднял на меня глаза, и в них стояли слёзы. – Я объездил всех соседей, всех, кто мог бы помочь. Никто не даёт денег.

Боятся графа.

Я смотрела на него и чувствовала, как злость медленно уходит, оставляя место чему-то другому. Не жалости. Жалость была бы оскорблением.

Пониманию? Может быть. Отец всегда был плохим хозяином, но хорошим человеком. Он прощал долги крестьянам, когда у тех умирала скотина. Он не выгнал Грету, когда та украла со стола серебряную ложку – у неё внук болел, и нужны были лекарства. Он учил меня не судить людей по кошельку, а это, как оказалось, роскошь, которую мы не могли себе позволить.

– Я уезжаю в столицу, – сказала я, и эти слова повисли в воздухе между нами.

Отец моргнул.

– Что?

– В столицу. В королевскую гвардию. – Я перехватила косу удобнее, чувствуя, как её вес привычно ложится в руку. – Там платят жалованье. Хорошее. Я буду высылать тебе деньги, и мы выплатим графу всё до последней монеты.

– Тиана, – отец шагнул ко мне, – ты не можешь... гвардия... там же...

– Что – там? – я усмехнулась. – Мужики? Ты только что видел, как я разобралась с троими. И они были не самыми страшными, я думаю.

– Это не смешно, – голос отца дрогнул. – Ты девушка. Ты должна...

– Должна что? – я остановилась, и коса со звоном коснулась земли. – Вышивать? Петь романсы? Ждать, пока какой-нибудь граф заберёт меня в уплату долга? Нет, отец. Я больше не буду ждать.

Он смотрел на меня, и я видела, как в его глазах борются привычные страхи – за мою безопасность, за репутацию, за то, что скажут соседи – с чем-то новым. С гордостью? Неужели он гордится мной?

– Ты на них похожа, – сказал он вдруг тихо. – На свою мать. Она тоже была... неуступчивая.

– Мать была лучницей, – напомнила я. – И она не стала бы сидеть сложа руки, если бы какой-то граф решил, что она – его собственность.

Отец вздрогнул, как от пощёчины. Я, наверное, была жестока, но правда есть правда. Моя мать, Сильвана из рода лесных эльфов, не была похожа на здешних женщин. Она приехала с севера, с длинным луком за спиной и такой же косой, как у меня, и за три года, что прожила с отцом, научила его тому, что женщины могут быть не только тихими и покорными. Потом она ушла воевать на северную границу, когда началась та последняя война, и не вернулась. Говорили, её убили орки. Говорили, она погибла, прикрывая отход отряда. Говорили, её стрелы нашли на поле боя все до одной. Отец не говорил об этом. Никогда.

– Я поеду с тобой, – сказал он, и в его голосе была решимость, которую я не слышала годами. – Провожу до столицы.

– Нет, – я покачала головой. – Ты останешься здесь. Кто-то должен смотреть за именем. И если граф узнает, что ты уехал, он